
И. И. БАРИНОВ

**БЕЛОРУССИЯ В ТИСКАХ ПАМЯТИ:
ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ
И НАЦИОНАЛЬНАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ**

Непрерывные общественные дебаты о роли исторического наследия в развитии современного белорусского государства происходили в течение всего периода его существования. В ряду наиболее сложных и дискуссионных на сегодняшний день вопросов остаются события 1918–1919 гг., связанные с интерпретацией начального этапа становления национальной государственности Белоруссии. Стороны дискуссии – оппозиция и власть, персонализируемая сегодня президентом А. Г. Лукашенко, – предлагают две принципиально отличные трактовки прошлого и, соответственно, траектории будущего белорусского национального государства. Войны памяти происходят на фоне непростой внешнеполитической ситуации балансирования между Россией и Евросоюзом, а также в условиях внутренней неопределенности по вопросу сменяемости власти. В настоящем исследовании предпринята попытка рассмотреть наиболее проблемные точки соприкосновения двух полярных позиций и дать некоторые прогнозы на будущее.

Ключевые слова: Белоруссия, БНР, БССР, историческая память, национальное государство, войны памяти, власть и оппозиция, сменяемость власти, Россия, Евросоюз.

Вопросы формирования и устойчивого функционирования национального государства являются проблемными как для внутреннего развития отдельных стран, так и для современной мировой политики в целом. Особенно остро эти проблемы стоят на постсоветском пространстве, где в ряде случаев существуют противоречия между развитием государственности и нациестроительством. В полной мере это относится и к Белоруссии, которую отличает сложная история попыток формирования самостоятельного национального государства.

Столетие провозглашения независимости и образования Белорусской народной республики (БНР) в 1918 г. белорусская общественность отметила с существенно бóльшим размахом, нежели в предыдущие годы. День 25 марта, когда сто лет назад состоялось это событие, сегодня является неофициальным Днем Воли. Столетняя годовщина стала не только самым массовым празднованием Дня Воли (по некоторым данным, в мероприятиях участвовало до 50 тыс. человек), но и самым бесконфликтным (не сопровождаясь массовыми столкновениями оппозиционеров с силовыми структурами, как это обычно происходило прежде). Более того, самим мероприятиям предшествовал ряд символических актов в столице страны Минске.

Так, еще 13 марта 2018 г. в парке имени Янки Купалы прошла церемония открытия памятного камня братьям Луцкевичам – знаковым фигурам белорусского национального движения начала XX в. Через два дня, 15 марта, в Национальном историческом музее открылась выставка «1918: БНР. Идея. Край. Государство. Шаг к Независимости». В тот же день в Институте истории НАН Беларуси стартовала конференция «Белорусская Народная Республика в истории белорусской национальной государственности». В ходе праздничных мероприятий власти разрешили использовать национальную символику – бело-красно-белые флаги и герб «Погоня», которые одновременно являются традиционными символами белорусской оппозиции.

В дальнейшем мартовские события получили своеобразное развитие. В самом конце того же 2018 года Национальная телерадиокомпания Беларуси анонсировала выход серии фильмов, посвященных столетней годовщине возникновения Белорусской советской социалистической республики (БССР). Первый из них, «БССР: истоки», вышел в первые дни нового 2019 года¹. В фильме, в частности, прозвучал тезис о том, что «образование БССР стало результатом развития белорусского национального движения». К участию в фильме в качестве эксперта наряду с другими был привлечен Сергей Трацяк, начальник отдела Института истории

¹ БССР. Вытокі. Документальны фільм. 2019. *YouTube Premium*. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=BmGIsSkxRxc> (дата обращения: 05.05.2019).

НАН Беларуси, который так охарактеризовал особенности территориального оформления БССР: если бы не советско-польская война, то «восточные границы Белоруссии сейчас проходили бы в нескольких десятках километров от Москвы»². По-видимому, он имел в виду радикальные мечтания литовско-белорусских националистов, так никогда и не осуществившиеся. Максимально близкая к современной граница БССР и РСФСР была установлена путем передачи в 1924–1926 гг. БССР части территории РСФСР, включая Оршу (из состава Смоленской губернии), Витебск и Гомель. В итоге восточная граница белорусского государства сдвинулась от линии, практически соответствующей второму разделу Речи Посполитой, к границе Великого княжества Литовского и Российского государства, сформировавшейся по итогам Русско-литовской (Стародубской) войны к 1537 г. (см., например: Краткая... б. г.).

На фоне неизменных высказываний президента А. Г. Лукашенко о неприкосновенности белорусской государственности и в условиях отсутствия реальной политической интеграции России и Белоруссии обращение к событиям столетней давности приобретает интригующее звучание. Как отметил в одном из своих недавних интервью доктор исторических наук Алексей Миллер, дискуссии об исторической памяти между Россией и странами Восточной Европы вступили в такую стадию политизации, что превращаются во «взаимный троллинг» (Урушадзе 2018), поскольку дискутирующие стороны изначально не были нацелены на поиск истины. В этом актуальном контексте фильм с участием официозных историков из белорусской Академии наук, показанный в прайм-тайм главного телеканала страны «Беларусь 1», поднимает сразу три важных вопроса. В порядке условной последовательности их можно расположить так: что такое белорусская национальная государственность; каково соотношение и взаимное преломление исторического наследия БНР и БССР; и, наконец, как эти сюжеты воспринимаются и рефлексированы властями Белоруссии и белорусской оппозицией в рамках политики памяти?

² БССР. Вытокі. Документальны фільм. 2019. *YouTube Premium*. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=BmGIsSkxRxc> (дата обращения: 05.05.2019).

Белоруссия: на пути к суверенитету

Существует множество гипотез и предположений по поводу того, как появилось и исторически бытовало понятие «Белая Русь» применительно к территории современной Белоруссии (Вакар 1949; Ostrowski 1975; Ширяев 1991; Рогалев 1994). В состав Российской империи восточная часть ее территории (Витебщина и Могилевщина) вошла после первого раздела Речи Посполитой. Именно их первоначально и стали именовать «Белоруссией». После завершения разделов Польши это понятие стало распространяться на имперской ментальной карте дальше на запад и северо-запад. Так, с образованием в 1829 г. Белорусского учебного округа в его состав были включены университетский Вильно и сеймовый Гродно (Долбилов 2010: 196).

Вхождение в состав Российской империи сыграло весьма своеобразную роль в зарождении белорусского национального движения, при этом в пореформенную эпоху (со второй половины XIX в.) детализация ментальной карты «идеального отечества» дала термину «Белоруссия» новое наполнение. Несмотря на широкое бытование представлений о восточнославянском единстве, на практике имперская администрация сталкивалась с этнической и конфессиональной неоднородностью края, стремясь компенсировать нежелательные ее последствия, продолжая поддерживать идею «единого русского народа», а вместе с тем практикуя фактически позитивную дискриминацию белорусов, подчеркивая их отличие от поляков. Это способствовало росту самоидентификации белорусов и как популяции, проживающей совместно в данной исторической области, и как народа, говорящего на одном языке (Там же: 182–183, 196–197). Вопреки распространенному среди белорусской политической оппозиции представлению, именно вхождение в имперское государственно-политическое образование позволило белорусам сохранить и упрочить этнокультурное своеобразие и национальную идентичность. Напротив, в случае включения ее в состав современного европейского национального государства всякое такого рода своеобразие было бы принудительно нивелировано, введено в жесткие рамки государственного единства.

Будущая Белоруссия к концу XIX – началу XX в. (равно как и другие регионы западной окраины Российской империи) отлича-

лась тем, что требования национального характера там нередко ставились наравне с социально-экономическими. Зная об этом, национал-демократические партии при желании могли обращаться к социалистической риторике, а социалисты, в свою очередь, использовать национальную карту. Это, однако, отнюдь не означало, что они могли договориться между собой. Особенно рельефно это проявилось в декабре 1917 г. в ходе работы Всебелорусского съезда, когда, в частности, представители Белорусской социалистической громады требовали, наряду с социальными преобразованиями, реализации широкой белорусской автономии и даже независимости. Напротив, часть делегатов съезда, разделявшая позицию большевиков (по сути – социалистов-интернационалистов), не отрицая права нации на самоопределение, настаивала на создании единого «государства трудящихся». И когда в конечном итоге решения съезда стали оспаривать стратегию большевиков, те выступили с позиции силы, распустив съезд и арестовав его организаторов. Тем не менее обстоятельства не позволили большевикам в полной мере воспользоваться появившимся преимуществом: в условиях провала мирных переговоров с Германией им пришлось эвакуироваться из Минска. Съезд же продолжил работу и успел выпустить резолюцию о создании Всебелорусского совета (Рады), который потом стал Радой БНР, провозгласившей создание национального белорусского государства.

Говоря о белорусском национальном нарративе начала XX в., следует помнить о тех исторических особенностях, которые определили его развитие. Во-первых, формирование белорусской национальной интеллигенции (мобилизующей группы, в трактовке Энтони Смита [Smith 1995: 57] по ряду причин затянулось. Из-за этого национальное движение задержалось на первоначальной фазе романтического национализма, сосредоточив свои усилия на пробуждении интереса общества к местной истории и культуре, на сборе и обработке этнографических данных (Цвикевич 1918: 5). Поскольку олицетворяющие это движение белорусские «будители» были по большей части выходцами из шляхетского сословия, в их отношении к восточной окраине, несомненно, сказывалась польская традиция ее восприятия как особого для исторической памяти региона (Леца 2003: 20–30). Эта традиция соотносилась с пред-

ставлениями о «кресах» как «потерянном рае» и источнике живительных сил для Польши и выражалась в форме «краевого» (или, как сказали бы в Белоруссии, «краёвого») патриотизма.

Важной составляющей формирующегося белорусского национально-государственного дискурса в этот период был конфликт продвигавшегося имперским правительством нарратива о притеснениях поляками белорусов как одной из ветвей русского народа, с одной стороны, и антирусский и антиправительственный нарратив как негативная реакция на русификацию «сверху» – с другой. Вместе с тем в последнем случае речь не идет о какой-то идейно мотивированной русофобии, скорее – о неудовлетворительном состоянии сотрудничества местных элит с имперским центром (Игнатовский 1924: 8–9). При этом, заимствуя элементы представлений о Белоруссии как у польской, так и у российской стороны, патриотически настроенные белорусские интеллектуалы развивали собственный исторический нарратив.

Так, у Вацлава Ластовского в его «Короткой истории Белоруссии» (1910 г.) впервые появляется тезис о том, что Великое княжество Литовское (ВКЛ) в реальности носило белорусско-литовский характер (цит. по: Ластоўскі 1992: 11–12). Развивая эту мысль, Всеволод Игнатовский подчеркивал, что в ВКЛ «господствовала белорусская культура». Более того, именно выходцы из русских (белорусских) княжеств, ведущих свою историю от Киевской Руси, выступили своего рода учителями и миссионерами литовцев, передав им развитую культуру, православную религию и свой язык. Культурная деградация белорусов, сопряженная с потерей последними атрибутов государственности по итогам Люблинской унии 1569 г., при царской администрации, по мнению Игнатовского, продолжилась (Игнатовский 1924: 27, 30, 35–40).

Наряду с формированием историко-культурного нарратива важным элементом романтического национализма была идея создания государства в этнографических границах. В силу того, что и Великое княжество Литовское, и «старая» Речь Посполитая давно прекратили свое существование, а территория ВКЛ целиком вошла в состав Российской империи, активисты национального движения пользовались этнографическими наработками профессора Ефима Карского. По их результатам Карский очертил примерную зону

распространения белорусских говоров, которую представил в виде карты. Сам автор комментировал ее достаточно противоречиво. С одной стороны, он указывал, что это «скорее область белорусского наречия, нежели племени». Вместе с тем, по словам Карского, принимая условно, что все говорящие на белорусском наречии – белорусы, можно считать указанные границы «пределами белорусского племени» (Карский 1903: 4, 21).

Выводы Карского подверглись критике со стороны его коллег. В частности, известный этнолог Дмитрий Анучин в своих материалах для первого в России курса белорусоведения отмечал, что язык не являлся идеальным критерием для определения границ этнической группы, а общность историко-культурных традиций у соседей могла делать их более близкими, чем собственно родственные группы (Анучин 1920: 87–88). Тем не менее впоследствии карта Карского, актуализированная как раз в 1917 г., не оспаривалась ни одной национально ориентированной белорусской политической группой и фактически объединяла их.

Символика, история и национальные границы стали теми составными элементами, которые аккумулировали в своей общественной риторике национально ориентированные политики. Ситуация осложнялась тем, что территория, на которой была провозглашена БНР, находилась под германским оккупационным контролем. В попытках добиться признания своей политической субъектности белорусской стороне приходилось постоянно лавировать между объективными обстоятельствами. Понимая, что на текущий момент альтернативы Германии не было, руководство БНР забрасывало немцев меморандумами о важности «признания самостоятельности Белоруссии» (Архівы... 1998: 79–81, 125–128). Сюда же относится печально известная приветственная телеграмма Рады кайзеру Вильгельму. Берлин, однако, так и не признал белорусскую государственность. После поражения Германии в Первой мировой войне территория Белоруссии стала ареной противостояния Польши (Второй Речи Посполитой) и Советской России, а лидеры БНР были вынуждены отправиться в изгнание.

Описанные события, произошедшие в течение года между декабрем 1917 и декабрем 1918 г., являются важным сюжетом в данном контексте. Как следует из высказываний сегодняшнего бело-

русского лидера, сама идея самоопределения Белоруссии, озвученная на Всебелорусском съезде, «шла снизу, от инициативы народных масс». Таким образом, по его мнению, «только народ, его воля... могут стать подлинным источником независимости» (Лукашенко... 2017). Как можно видеть, слова белорусского лидера в точности корреспондируют с 3-й статьей конституции страны, где сказано, что «единственным источником государственной власти и носителем суверенитета в Республике Беларусь является народ».

Следуя идее о национальном суверенитете Белоруссии как воплощении народной воли, можно сделать любопытные выводы относительно восприятия БНР президентом А. Г. Лукашенко. Как представляется, для него нет особого противоречия между провозгласившими независимость национал-демократами и организаторами белорусской советской государственности, поскольку и те и другие в разные периоды времени отражали волеизъявление народа. В каком-то смысле это были два течения, выявившиеся еще на Всебелорусском съезде, которые разошлись в разные стороны, чтобы затем сойтись снова. Обращаясь непосредственно к событиям 1918 г., Лукашенко применительно к попытке договориться с немцами отмечал, что «те люди, которые пытались создать независимую Беларусь, не знали, куда броситься», просил «не судить их строго» и рассматривать события в историческом контексте (Лукашенко... 2018).

Как ни парадоксально, в рамках этой логики БССР стала наследницей БНР, не будучи ее правопреемницей в строго формальном смысле. Неслучайно ряд лидеров БНР, увидев жизнеспособность советского проекта и продвижение политики белорусизации, вернулись в Советский Союз и начали сотрудничать с новой властью. Более того, в 1925 г. глава правительства БНР Александр Цвикевич формально передал свои полномочия правительству Советской Белоруссии. Примечательно, что здесь мысль Лукашенко соответствует представлениям Митрофана Довнара-Запольского, центральной фигуры в интеллектуальном поле БНР и всего белорусского движения. Как отмечал Довнар-Запольский в своей «Истории Белоруссии», Рада БНР имела скорее символическое и моральное значение, делая все от нее зависящее для сохранения Белоруссии. Когда же пришла пора, белорусская государственность

«отлилась в виде советской республики» (Довнар-Запольский 2005: 558–560, 568). Не исключено, что Лукашенко, историк по образованию, познакомился с идеями Довнара-Запольского, ставшими ему близкими, в начале 1990-х гг., когда они имели широкое хождение в Белоруссии.

БНР vs БССР: войны памяти

В последние годы существования СССР в западных союзных республиках начался активный процесс «национального возрождения». Советская эпоха воспринималась как временное отклонение от настоящего, национального пути развития, к которому следовало вернуться. Этот процесс не обошел стороной и Белоруссию. В 1991 г. ее возглавил бывший народный депутат, интеллектуал Станислав Шушкевич. В качестве государственной символики были возвращены флаг и герб БНР, переизданы работы национальных активистов начала XX в. Тем не менее, как и демократические перемены в России, возврат к «национальному» пути в Белоруссии неудачно совпал с тяжелым переходным периодом. Деятельность Шушкевича на посту председателя Верховного совета не находила поддержки ни в элитах, ни у населения страны. Это облегчило приход к власти Александра Лукашенко, выступившего с обширной и привлекательной социально-экономической программой.

Процесс формирования действующего белорусского политического режима тоже сопровождался определенным символизмом. Лукашенко, выходец из восточных регионов Белоруссии, как и его земляки – делегаты Всебелорусского съезда 1917 г., видел будущее развитие белорусского национального государства в тесной связи с Россией. Кроме того, выпускник советского истфака воспринял каноничную трактовку национально-государственного развития белорусов. Изменения в исторической политике, происходившие в начале 1930-х гг., ярко прослеживаются по материалам Большой советской энциклопедии. Так, в 1-м издании (1927 г.) статьи о Белоруссии и БССР шли отдельно друг от друга. В первом случае описывалась этнографическая область, влияние которой отмечалось «почти по всей территории Псковской губернии, на юго-западе Тверской и даже на юге Ленинградской губернии». О союзной республике говорилось, что даже в расширенных границах она «не

охватывает всей территории, занятой белорусской народностью» (БСЭ 1927: 352, 378). Напротив, в классическом, 2-м издании энциклопедии (1950 г.) уже подчеркивалось, что к концу 1926 г. «белорусский народ», за исключением западных регионов, «объединил свои земли в едином белорусском государстве» и таким образом обрел возможность для полноценного развития (БСЭ 1950: 488).

Во многом (хотя и не во всем) этой парадигме следовал и Лукашенко. С одной стороны, национальная государственность Республики Беларусь, идущая от создания БССР, для него всегда оставалась непреложным фактом. К слову, за это «укорачивание» национальной истории Лукашенко остро критиковали национально ориентированные авторы (см., например: Ровдо 2009: 10–13). Вместе с тем драматические события вокруг БНР в глазах белорусского лидера как раз призваны подчеркнуть, как труден был путь к современной суверенной Белоруссии. Следует, однако, иметь в виду, что существование БНР в качестве своеобразного «черновика» БССР связывается в представлении белорусского лидера только с тем периодом, когда ее администрация находилась на белорусской территории. Как известно, в начале 1919 г. руководство БНР было вынуждено перенести свою деятельность за пределы Белоруссии. С тех пор Рада действовала в европейских странах (после Второй мировой войны – в США) и, в отличие от украинского правительства в изгнании, не совершила символическую передачу власти постсоветской республике.

Таким образом, распространение истории БНР времен «изгнания» на все ее существование вызывает у Лукашенко однозначно негативную реакцию, так как тесно связывается им с инструментализацией образа республики для влияния на ситуацию извне. В этом отношении показателен инцидент, вызванный появлением летом 2012 г. книги «Гродноведение: история европейского города». Выпуск этого коллективного издания вызвал жесткую реакцию местной администрации. Экземпляры «Гродноведения» изымали из библиотек и книжных магазинов, пострадали и авторы. Двое из них, историки Вячеслав Швед и Андрей Чернякевич, были уволены из Гродненского госуниверситета (высказывались мнения о политической мотивации данного решения). При этом, скорее всего, проверяющие органы не читали изданную в Евросоюзе кни-

гу дальше предисловия. В нем, наряду с рассуждениями о природе рабства и свободы, содержится призыв к молодежи сделать свой выбор в ситуации, когда все кругом определяется «только волей очередного начальника государства» (Швед, Карнелюк 2012: 5). Возможно, это еще одна отсылка, на сей раз к авторитарному стилю правления Юзефа Пилсудского: намек вполне однозначный и отсылает к официальному титулованию Пилсудского «*naczelnik państwa*» в период между двумя мировыми войнами, когда часть Белоруссии вошла в состав Польши. Характерно, что научные издания по истории БНР, написанные условно оппозиционными авторами и напечатанные в Минске (прежде всего частными издательствами «Зміцер Колас» и «Янушкевіч»), свободно распространяются по стране.

Дискуссии между властью и основной массой оппозиционеров ведутся вокруг двух принципиальных стратегических направлений: развития национального белорусского государства и реформирования существующей политической системы. При этом каждая из сторон приводит свои аргументы в поддержку собственной позиции. Рассмотрим их более подробно.

В основе идеи «возврата» к национальной истории по сути лежит стремление вообразить Белоруссию заново – без польского, российского и какого-либо иного наследия. А. Г. Лукашенко в данном случае воплощает «неправильное» советско-российское прошлое, продолжающее довлеть над страной. Оппозиционные музыканты в негативном ключе обыгрывают некоторые элементы биографии белорусского президента. Так, в одной из песен Белоруссия иронично именуется «колхозом», который «могучей рукой ведет председатель», при этом жители колхоза мечтают от него избавиться.

В этой логике БНР представляется политическим противником Лукашенко полноценной альтернативой советской Белоруссии и в отличие от советского проекта рассматривается как закономерное следствие национального развития. В представлении оппозиционеров БНР и БССР являют собой диаметрально противоположные явления. Любопытно, что в популярном в свое время патриотическом мультфильме «Будем белорусами!» (2011 г.) рассказывалось, как «среди революционных ужасов появляется новая держава», ко-

торая «красиво зовется БНР». Напротив, другая республика с «неромантическим» названием «советская социалистическая» возникает «внезапно, из ниоткуда». Попытки Лукашенко, что называется, усидеть на двух стульях подвергаются критике: так, незадолго до празднования Дня Воли-2018 оппозиционный ресурс *naviny.by* вывесил статью под заголовком «Лукашенко между Сталиным и БНР» (Класковский 2018).

Система образов, с помощью которых оппозиция характеризует белорусского президента и организованный им режим, в основном обыгрывает два сюжета. С одной стороны, положение в Белоруссии оценивается сквозь характерную для исторической политики стран Восточной Европы антитоталитарную «оптику». Сегодняшний белорусский политический строй описывается рядом польских авторов как «реакционная диктатура в советском стиле, с сильными тоталитарными тенденциями». Другим паттерном выступает опасность сближения с Россией, в результате которого белорусы «растворятся» и перестанут существовать как отдельная нация. Единственным возможным выходом из ситуации представляется возврат к европейскому вектору (Komorowska, Kuzawińska 2004: 14, 29, 33). Что касается позиции Лукашенко в отношении национального суверенитета, то высказываются мнения, что она продиктована исключительно желанием сохранить и упрочить созданную им систему, а разговоры о независимости являются лишь риторическим приемом (Буховец 2003: 28–29; Ровдо 2009: 14), не предполагающим радикальных перемен.

Стоит отметить, что данная концепция только внешне имеет стройный и законченный вид. В действительности она отличается внутренней противоречивостью и имеет ряд слабых мест. В первую очередь это касается соотношения реальной и воображаемой Европы. В глобализованном Евросоюзе, где границы либо максимально сглажены, либо отсутствуют вовсе, принципы национального государства образца XIX в. уже давно не являются релевантными, а развитие и поддержание национального чувства у белорусов очевидным образом не является первостепенной задачей общеевропейской адженды (*agenda*). В этом смысле эмоциональная проевропейская риторика либеральной части оппозиции плохо коррелирует с ее глубоко партикуляристским настроем, что входит в про-

тиворечие с декларациями о чаемом европейском будущем. Стремление ощущать себя частью Европы как цивилизационной общности базируется лишь на утилитарных плюсах (таких как высокий уровень гражданских свобод) и почему-то оставляет за скобками те сопутствующие им обязательства, которые придется взять на себя. Речь в данном случае идет прежде всего об участии Белоруссии в инкорпорации инокультурных мигрантов и ограничении национальной идентичности в пользу общеевропейской.

Наряду с этим стоит помнить о том, что антилукашенковский пафос части элит Евросоюза отнюдь не означает готовность европейских лидеров поддержать альтернативный национальный проект в Белоруссии. Требуя всемерного развития белорусского самосознания (которое подается как раз в этнокультурном, а не национальном ключе) и продвижения белорусского языка, оппозиционеры сознательно выключают из общества значительную массу русских/русскоязычных Белоруссии. Вместо предложений по строительству гражданской нации (принятой в Европе концепции) представители оппозиции стремятся организовать некое искусственное сообщество, полностью очищенное от русского и советского наследия. Учитывая, что гораздо меньшие по численности русские сообщества Эстонии и Латвии представляют собой постоянную головную боль для властей ЕС, подобный доктринерский национализм заранее провоцирует внутренний конфликт в белорусском обществе, который может стать неприятным сюрпризом для Брюсселя.

Несмотря на выраженный персоналистский характер режима Лукашенко и его сложные взаимоотношения с Евросоюзом (Трещенков 2013: 292–297, 354–357), Белоруссия в представлении ее президента остается европейской страной. При этом текущие задачи, по мнению Лукашенко, лежат скорее в практической плоскости и касаются выработки оптимального модуса взаимодействия с ЕС. Национальному партикуляризму противопоставляется многовекторный прагматизм, призванный совмещать экономическое развитие с национальными интересами, как их себе представляет белорусская элита (Коваленя и др. 2013: 124–130). Напротив, предлагаемый проевропейски ориентированными кругами размытый сценарий общественно-политической трансформации Белоруссии (Komogow-

ska, Kuzawińska 2004: 13–35) вызывал неприятие у более радикальной части оппозиции, которая в этом вопросе скорее поддерживает действующего президента в отношении суверенитета страны (Буховец 2003: 21).

В целом А. Г. Лукашенко переигрывает оппозицию, умело совмещая национальную карту с социально-экономической. Это признается и самими оппозиционерами. Как отмечал Виталий Силицкий, знаковый для либеральной части оппозиции автор, Лукашенко, играя на «обновленном советском патриотизме», заручился экономической и политической поддержкой своих действий со стороны России. Одновременно с этим, используя память о событиях 1941–1944 гг., он на символическом уровне представил своих оппонентов чуть ли не наследниками прогерманских коллаборационистов. Таким образом, по словам Силицкого, Лукашенко сумел добиться «легализации президентского абсолютизма» (Сіліцкі 2006: 56–58).

Вместе с тем сегодня перед политическим классом Белоруссии стоит серьезная проблема, которую придется решать уже в относительно близкой перспективе. Речь идет о сменяемости власти. Практически весь период белорусской независимости прошел под знаком личных воззрений президента Лукашенко, который за много лет смог выработать свой индивидуальный стиль общения и с Москвой, и с Брюсселем. Возникает вопрос, будет ли Россия и дальше спокойно воспринимать «суверенную» риторику постлукашенковской Белоруссии с отсылками к БНР и согласятся ли европейские элиты принять в свои ряды страну с такими атрибутами наследия БССР, как празднование 9 мая и повсеместное употребление русского языка.

Как представляется, в деле формирования исторической памяти ситуация может принять неожиданный оборот. Если у Лукашенко в чем-то получилось примирить память о БНР и БССР, то его наследники могут и вовсе отказаться от этой болезненной части национальной истории в пользу более компромиссного образа Великого княжества Литовского. Образ ВКЛ в политике памяти сможет представить Белоруссию большим контактным регионом, уникальным образованием между Востоком и Западом, где спокойно уживались различные традиции и одновременно формировалась будущая бе-

лорусская нация. Впрочем, этот вариант вряд ли сможет стать жизнеспособным, поскольку столкнется с двумя почти непреодолимыми проблемами: для его реализации потребуется либо интеграция с Литовской Республикой, членом ЕС, либо борьба за уже используемое наименование (подобно той, что с громадными репутационными издержками вынуждена была вести теперь уже бывшая Республика Македония с Греческой Республикой). Тем не менее можно не сомневаться, что в случае с Белоруссией такая ориентация политики памяти будет востребована со стороны новых элит. Хотя бы потому, что поддержание образа Белоруссии как контактного региона между Востоком и Западом Европы всегда будет условием сохранения новой белорусской политической элитой того объема властных полномочий, который был у их предшественников.

Литература

Анучин, Д. Н. 1920. К вопросу о белорусской территории. В: Анучин, Д. Н., *Курс белоруссоведения*. М.: Белорусский подотдел отдела просвещения национальных меньшинств НКП. С. 87–100.

Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі (Уклад. С. Шупа). 1998. Вільня; Менск; Нью-Йорк; Прага: БНІМ, Тав-ва бел. пісьменства «Наша ніва». Т. 1. Кн. 1. 850 с.

БСЭ в 66 т. 1-е изд. Т. 5. М.: Советская энциклопедия, 1927. 808 с.

БСЭ в 51 т. 2-е изд. Т. 4. М.: Большая советская энциклопедия, 1950. 644 с.

Буховец, О. Г. 2003. *Союз РБ – РФ. Элиты и массовое сознание Беларуси о настоящем и будущем интеграции с Россией*. М.: Огни. 79 с.

Довнар-Запольский, М. В. 2005. *История Белоруссии*. Минск: Беларусь. 680 с.

Долбилов, М. Д. 2010. *Русский край, чужая вера. Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II*. М.: Новое литературное обозрение. 1000 с.

Игнатовский, В. М. 1924. *Белоруссия: Территория, население, экономика, важнейшие моменты истории*. Минск: Белтрестпечать. 51 с.

Карский, Е. Ф. 1903. *Белорусы*. Т. 1. *Введение к изучению языка и народной словесности*. Варшава: Тип. Варшавского учебного округа. 466 с.

Класковский, А. 2018. Лукашенко между Сталиным и БНР. Власти пытаются сидеть на двух стульях. *Интернет-портал «Белорусские новости»* 21 марта. URL: <https://naviny.by/article/20180321/1521635839-lukashenko-mezhdu-stalinym-i-bnr-vlasti-pytayutsya-sidet-na-dvuh-stulyah> (дата обращения: 05.05.2019).

Коваленя, А. А., Лазаревич, А. А., Евменов, Л. Ф. и др. 2013. *Республика Беларусь – Европейский Союз. Проблемы и перспективы партнерства.* Минск: Беларуская навука. 528 с.

Краткая история Беларуси за последнюю 1000 лет. Б. г. URL: <http://history-belarus.by/pages/terms/bssr.php> (дата обращения: 05.05.2019).

Ластоўскі, В. Ю. 1992. *Кароткая гісторыя Беларусі.* Мінск: Універсітэцкае. 124 с.

Леца, К. І. 2003. *Вытокі і генезіс беларускага рамантызму XIX стагоддзя: манаграфія.* Гродно: Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт ім. Я. Купалы. 370 с.

Лукашенко: Первый Всебелорусский съезд 1917 года продемонстрировал ценности, значимые до настоящего дня. 2017. *Наша ніва* 1 декабря. URL: <https://nn.by/?c=ar&i=201241&lang=ru> (дата обращения: 05.05.2019).

Лукашенко: Историю о создании БНР знать надо, но гордиться теми событиями не стоит. 2018. *Новости tut.by* 20 марта. URL: <https://news.tut.by/economics/585737.html> (дата обращения: 05.05.2019).

Ровдо, В. В. 2009. *Политическая система Республики Беларусь: учеб. пособие: в 3 ч. Ч. 3. Сравнительная политология.* Вильнюс: Европейский гуманитарный университет. 352 с.

Рогалев, А. Ф. 1994. *Белая Русь и белорусы (В поисках истоков).* Гомель: БелАНТДИ. 267 с.

Сіліцкі, В. 2006. Беларусь: анатомія прэвэнтывнага аўтарытарызму. В: Булгакаў, В. (отв. ред.), *Геапалітычнае месца Беларусі ў Эўропе і свеце.* Варшава: Вышэйшая школа гандлю і права. С. 47–81.

Трещенков, Е. Ю. 2013. *От восточных соседей к восточным партнерам. Республика Беларусь, Республика Молдова и Украина в фокусе политики соседства Европейского Союза (2002–2012).* СПб.: Свое издательство. 402 с.

Урушадзе, А. 2018. «Разговор об исторической памяти превращается в троллинг. Мы приплыли». Алексей Миллер о политике памяти в России и Европе. *Colta Special* 23 апреля. URL: <https://www.colta.ru/articles/specials/17902-razgovor-ob-istoricheskoy-pamyati-prevrashaetsya-v-trolling-my-priplyli> (дата обращения: 05.05.2019).

Цвикевич, А. 1918. *Краткий очерк возникновения Белорусской Народной Республики*. Киев: Тип. И. И. Чоколов. 19 с.

Швед, В. В., Карнелюк, В. Р. (агульн. рэд.). 2012. Гродназнаўства. Гісторыя еўрапейскага горада. Гародня; Wrocław: Гарадзенская бібліятэка. 340 с.

Ширяев, Е. Е. 1991. *Беларусь: Русь Белая, Русь Черная и Литва в картах*. Минск: Навука і тэхніка. 199 с.

Komorowska, A., Kuzawińska, B. (eds.) 2004. *Belarus: Catching up with Europe*. Warsaw: Stefan Batory Foundation. 68 pp.

Ostrowski, W. 1975. *About the Origin of the Name "White Russia"*. London. 60 pp.

Smith, A. 1995. *Nations and Nationalism in a Global Era*. Oxford: Polity Press; Cambridge: Blackwell Publishers. 211 pp.

Vakar, N. P. 1949. The Name "White Russia". *American Slavic and East European Review* 8(3): 201–213.